

ЛУЧШЕЕ, ЧТО МОЖНО БЫЛО СДЕЛАТЬ, -НЕ ДЕЛАТЬ НИЧЕГО

Во внешней политике России довольно четко просматривается определенная закономерность: после каждого российского действия ситуация оказывается хуже, чем она была до совершения этого действия, и хуже, чем она была бы, если бы этого действия вообще не было. При этом чем более энергичны и активны наши действия, тем больше и очевиднее отрицательный результат. Примеров, иллюстрирующих эту закономерность, — множество, и относятся они к самым разным сферам.

Самый яркий, конечно, это — война в Чечне (объективно отношения с Чечней это уже тоже «внешняя политика»). Можно было ее просто не вести и спокойно договориться с Дудаевым о каком-нибудь «ассоциированном членстве» или «особом статусе». Мы пошли войной, результат — полная потеря Чечни, унижение России, ослабление позиций на всем Кавказе и т. д. Можно было просто не лезть в югославские дела. Но мы стали активно поддерживать Милошевича и Караджича. Результат обманул ожидания — Милошевич стал искать поддержки Запада, в Сербии, кажется, впервые за всю ее историю, вспыхнули антироссийские настроения, которых не было даже во времена борьбы Тито со Сталиным, а когда оппозиция окончательно придет к власти в Белграде, Сербия получит открыто враждебное России правительство.

Можно было не реагировать на возникшие у наших бывших сателлитов мысли о вступлении в НАТО. Тогда, очевидно, они долго и осторожно взвешивали бы все «за» и «против» («за» — соображения статуса и безопасности, довольно абстрактные, ибо если Россия им не угрожает, то вроде больше угрожать и некому, «против» — расходы на перевооружение). Мы реагировали крайне активно и очень своеобразно — не стремясь показать соседям, что никакой угрозы от нас быть не может, а угрожая разными «ответными мерами» американцам, если они этих соседей, с которыми мы вообще разговаривать не желаем, в НАТО примут. Результат — именно такой, какой и должен был быть: НАТО будет расширяться, в него выстроилась очередь центральноевропейских стран, для наших «братьев» по СНГ вступление в НАТО превращается в прекрасную мечту и цель жизни, мы же останемся с какой-нибудь совершенно бессмысленной декларацией или договором в окружении соседей, значительно более враждебных, чем раньше.

Практически несомненно, что ничем хорошим не кончится и наш роман с Лукашенко. Союз, который мы заключим, будет одновременно и аморфно-декларативным, и дорогостоящим, а после падения режима Лукашенко (рано или поздно это неизбежно) или даже до его падения мы будем, очень похоже, иметь под боком нечто еще недавно непредставимое — враждебную России Белоруссию.

Во всем мы видим одну и ту же логику. И ей подчинены не только действия нашей власти, но и действия отдельных «неофициальных» и даже оппозиционных политиков. Кто из наших политических витий больше всех навредил России на «внешнем рынке»? Безусловно Жириновский, громче других ратующий за великую и могучую державу. Помолчал бы — было бы лучше. Лужков мог

спокойно сидеть в Москве и заниматься хозяйством, но желание послужить матери-России повлекло его в Севастополь. Севастополя Лужков и Россия не получили, а Украина стала усиленно домогаться особых отношений с НАТО и делать мелкие пакости нашим военным.

Картина получается печальная и в то же время несколько комическая. Все стараются сделать свою страну сильной и уважаемой, депутаты нервничают и принимают разные резолюции, дипломаты напряженно работают, может быть, даже ночами не спят, аналитики анализируют и разрабатывают стратегии, министр иностранных дел почти не вылезает из самолета. Но получается так, что, если бы они просто ничего не делали, было бы значительно лучше. Вполне можно сказать, что наш МИД и наша власть в целом, да едва ли и не вся «политическая элита» страны напряженно работают над тем, чтобы скорее расширить НАТО, обязательно подведя его к нашим границам, старательно вытесняют Россию из Центральной Европы и СНГ, упорно и настойчиво строят вокруг нее «санитарный кордон» и т. д. Что же стоит за этой трагикомической картиной?

За ней стоят крайняя противоречивость наших внешнеполитических чувств и стремлений, несоответствие наших представлений о мире современным реалиям и несоответствие наших претензий нашим возможностям. Можно хотеть отнять у Украины Севастополь — наверное, не самое достойное, но вполне понятное желание. Но нельзя одновременно отнимать Севастополь и стремиться к тому, чтобы Украина была нашим преданным союзником. Так не бывает.

Можно стремиться к тому, чтобы стать европейской страной, уважаемым другом США и Германии. Но нельзя, стремясь к этому, одновременно везде, где мы можем — в Боснии, в отношениях с Ираком, с Ираном, с Китаем, — устраивать Западу мелкие (крупных у нас просто не получается) неприятности.

Можно поставить своей целью максимально навредить Западу, но нельзя одновременно с этим проситься в «семерку». Можно угрожать Западу, говоря, что, если он пустит в НАТО чехов и поляков, мы пересмотрим военную стратегию (после «успехов» нашей армии в Чечне это — очень страшная угроза). Но нельзя после этого обижаться, если наши бывшие союзники станут к нам откровенно враждебны.

Противоречивость наших стремлений осложняется архаичностью нашей картины мира. Наш образ международных отношений — это образ борьбы всех со всеми, взятый из книжки Ленина об империализме, «Истории дипломатии» и опыта борьбы СССР с западными странами. Даже наши молодые дипломаты и аналитики убеждены, что естественная цель любой страны — бороться с соседями, подчинять их и расширяться (это у нас называется «отстаиванием национальных интересов»). И до нас просто не доходит, что мир, во всяком случае, западный мир, стал совсем другим, в нем иные угрозы (не от соседей, стремящихся захватить какую-нибудь Эльзас-Лотарингию, а от экологических катастроф, непредвиденных последствий технологического развития, терроризма), иные представления о силе и безопасности, иные правила поведения. Страна, видящая целью своего существования борьбу за влияние на соседей, расширение за их счет, вызывает в этом мире те же чувства, какие вызывает в коллективе человек, стремящийся подчинить других, открыто требующий повышения в чине (принятия в «семерку»), хамящий слабым и пристающий ко всем с вопросом «уважаешь ли ты меня?». Мы не умеем вести себя в этом мире, пугаем своими манерами, своей «непредсказуемостью» — и нас, естественно, в коллектив не принимают. После этого мы еще сильнее обижаемся, еще больше

суетимся — и нас еще упорнее не принимают. Кроме того, утратив (и навсегда) силу СССР, мы сохранили советские «супердержавные» замашки, как бывший начальник сохраняет начальнический тон с бывшими подчиненными, что, естественно, вызывает лишь раздражение и желание указать ему, что он все-таки уже не начальник.

Таким образом, за всеми нашими бедами стоит наш характер и наше психологическое состояние. Пока мы такие — все так и будет, любое наше действие будет объективно направлено против нас самих. Смешно думать, что можно одним махом изменить характер и проснуться на следующий день другим человеком. Чтобы измениться, нужно время, нужна смена поколений, нужна привычка к новому миру, в котором мы оказались после распада СССР, и к нашему новому положению. И все же можно ускорить этот процесс интеллектуальными и волевыми усилиями. Надо попытаться взглянуть на себя со стороны, попытаться преодолеть пустые страхи, вроде страха НАТО, и перестать пугать других (чаще всего стремятся напугать других тот, кто сам всех боится). Надо постараться меньше думать о том, как к нам относятся, и больше — о том, что мы представляем собой на самом деле и как нам построить нормальное, эффективно работающее общество. Успокоиться и перестать суетиться. И когда это произойдет, когда появятся успехи в экономике, а окружающие забудут о нашем прошлом, уважение и даже любовь придут сами собой, как они пришли к тихо сидевшим и спокойно работавшим немцам, вызывавшим в свое время у соседей еще большую злобу, чем вызываем мы.